

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

А. С. Жулинская

В статье анализируются способы включения и характер функционирования интертекстуальных ссылок в художественном тексте. Исследуются стилистические и жанровые особенности интертекста в творчестве автора.

Ключевые слова: интертекст, мир писателя, чужое слово, интертекстема.

Постановка проблемы. В последние десятилетия интересы лингвистов сконцентрировались на исследовании антропоцентрического характера современного языкового существования.

“Изучение национальной языковой картины мира, попытки взглянуть на дискурс с точки зрения когнитивных структур, развитие концептуального подхода к явлениям языка — все это даст нам новое осмысление лингвистических событий, а вместе с тем иное понимание человеческой коммуникации” [2, с. 303].

Художественный текст как объект коммуникации и, одновременно, источник информации, концентрирует в себе энергию коммуникативного, философского, познавательного, эмоционального, эстетического, этнокультурного пространств. И потому бесконечно количество его интерпретаций: текст хочется перечитывать, обдумывать, переосмысливать, находить в нем соответствующие нынешнему мировосприятию строки.

В современных исследованиях отмечается, что тексты, являясь открытой системой, существуют в общем когнитивном пространстве. Феномен открытости текста традиционно рассматривается в связи с категорией интертекстуальности.

В литературном пространстве автора художественного текста слышны многие голоса, способствующие созданию текстового полифонизма, прослеживается явное желание автора сохранить коды предшествующей, ценной для него, литературы. Таким образом, мы можем говорить о существовании в художественных текстах интертекстуальных связей, разнообразных по форме и происхождению, и считать текст очагом интертекстуальности.

Актуальность исследования. Современные направления лингвистических исследований интертекста концентрируются вокруг трех ключевых моментов: определение текста-источника, способ включения интертекстом в авторский текст и их функции в новом тексте. Любой художественный текст, рассматриваемый с позиции интертекстуальности, содержит в себе бесконечное поле других текстов, соотношенных с ним в рамках определенной языковой схемы.

Цель исследования: установление форм и функций интертекстуальных связей в художественном тексте. Это поможет исследователю-лингвисту не только

адекватно интерпретировать текст, — поскольку интертекст является мощной интерпретирующей системой, — но и объяснить многообразие смысловых оттенков слова в художественной речи, в чем состоит **новизна исследования**.

В современной текстологии общепризнанным является тот факт, что интертекстуальность — одна из важнейших стратегий текстопостроения, свойственная любому художественному тексту, который поддается интерпретации. Интертекстуальность — межтекстуальный фрейм, обеспечивающий понимание всех смыслов художественного текста. Границы определения термина “интертекстуальность” до сих пор достаточно размыты, не существует единой классификации интертекстуальных ссылок, однако уже сейчас можно рассматривать эту категорию не как чисто лингвистическую, но как понятие, находящееся на стыке когнитивных наук — лингвистики и психологии. Этот тезис базируется на признанной идее “бытия” текста на границе сознаний автора и читателя, а понимание возникает в результате интерпретации текста.

Интертекст — отражение мировоззренческих ориентиров писателя, интерпретация всех ассоциативных отсылок, скрыто и явно содержащихся в тексте. В основе этого понятия лежат идеи о диалогичности текстов М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта и других ученых, признающих тот факт, что текст существует в общем когнитивном пространстве и считающих диалог формой бытия личности.

Суть интертекстуальности состоит в том, что новые акты творчества совершаются на языке, в материале, на фоне и по поводу ценностей той традиции, из которой они возникают и которую имеют целью обновить. Интуиция и творческий талант писателя создают диалог и вовлекают в него адресата текста.

И. В. Арнольд в работе “Проблемы интертекстуальности” высказывает мнение о том, что в сознании отдельной личности существует тезаурус, своеобразный словарь усвоения текстов, в котором отражается знание индивида о различных проявлениях культуры.

Современная наука о языке для обозначения данной интер-акции одновременно с термином “интертекстуальность” использует такие термины как “феномен прецедентности”, “чужое слово”, “сверхтекстовые связи”, “межтекстовая коммуникация” и другие.

Художественный текст — это общая память автора и читателя. В литературном слове соприкасаются текстовые плоскости, в точках пересечения которых и функционируют интертекстуальные включения различной формы и смысловой насыщенности, являющиеся “хранителями и передатчиками индивидуального знания “для себя”, социального знания для социума и культурного знания” [6, с. 12].

В процессе исследования интертекстуального пространства в произведениях И. С. Шмелева обнаруживается разнообразный пересказ народных текстов, обращение к пушкинскому слову и к произведениям русской и европейской классической литературы, философский интертекст и чрезвычайно емкое и плотное включение текстов религиозного дискурса.

Необходимо отметить, что невозможно подробно рассмотреть все интертекстемы в рамках одной статьи. Поэтому мы попытались сделать общий обзор форм и

характера включения литературного и религиозного интертекста в творческое наследие И. С. Шмелева.

Литературный интертекст. В шмелевском Тексте отчетливо слышен диалог с русской литературной традицией. Диалог этот ведется на различных уровнях, с помощью разнообразных языковых средств. Наиболее часто И. С. Шмелев включает в свои произведения интертекстемы из произведений А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. Нередки ссылки на тексты Н. Лескова, Ф. Достоевского, А. Чехова, А. К. Толстого, Н. Некрасова, а также немало включений из произведений классиков мировой литературы: Ж. Верна, Э. Гофмана, Э. По, Данте, Ж. Санд, В. Гете, Ч. Диккенса, Д. Дефо.

Очень интересен характер включения: среди ссылок можно видеть прямые и варьируемые цитаты, асимметричные цитаты, многочисленные упоминания авторов, названий и имен главных героев произведений, аллюзии, имена-символы, эпиграф, повторение синтаксических конструкций.

По мнению И. М. Богоявленской, для художественного текста XIX – XX вв. было характерно философское начало. “... век двадцатый, со свойственной ему тенденцией к размыванию границ литературных жанров, соединил сказку с легендой, сказом, фельетоном, антиутопией и т. д. В лучших своих образцах сказка приблизилась к фольклору, но не столько к его духу, сколько к букве, мироощущению” [3, с. 14]. Как отмечает исследовательница, в художественном тексте начала XX века изображались приметы не только материальной, но и духовной разрухи дореволюционного времени. И это напоминало о вечном.

Прокомментируем некоторые интертекстемы.

В романе “Пути небесные” много именных цитат, или, по классификации Г. Г. Слышкина, упоминаний: “Мысль о кристаллике (яде) становилась все заманчивей. “Ничего не откроется, а “лопух вырастет”, верно сказал тургеневский Базаров!..” (с. 287). Здесь представлена мозаика цитат, восходящая к одному прецедентному тексту — роману И. С. Тургенева “Отцы и дети”. Во-первых, прямая цитата — слова главного героя романа Е. Базарова — медика-нигилиста, убежденного в том, что нет никакой жизни после смерти. Эта мысль в данный момент близка герою Шмелева, и он заимствует ее у Тургенева вместе с образом и фамилией персонажа, высказавшего ее. Кроме того, мы видим указание на автора текста — “тургеневский” — это еще один уровень включения прецедентного текста, вариант ссылки “текст о тексте”. Для читателей шмелевского времени, да и для большинства современных, не составит труда восстановить образ Базарова, вспомнить его мировоззрение и, таким образом, понять, в каком душевном и нравственном состоянии находился герой романа “Пути небесные”. Совершенно ясно, что автор ввел цитату и упоминания в свой текст намеренно, рассчитывая на определенную реакцию адресатов текста.

Эпиграф к роману “Лето Господне” был взят из незавершенного стихотворения А. С. Пушкина (1830 г.):

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам* (с. 283).

“Две основные функции эпитафия — информативная и формоопределяющая — по сути, представляют собой функциональные комплексы, — утверждает Н. А. Кузьмина. — Эпитафия чаще всего совмещает разные типы информации: о мире, о творческом субъекте, о произведении” [5, С. 148 – 149].

Однако эпитафия может не упростить, а усложнить восприятие текста реципиентом, если он не подготовлен к пониманию той информации, которая заложена в эпитафии и в самом тексте. Понимание и толкование смысла эпитафия возможно после прочтения всего текста, но может случиться так, что текст будет понят при раскрытии смысла эпитафия.

Особое значение эпитафию придает его необязательность.

Зная, что И. С. Шмелев писал роман “Лето Господне” в эмиграции, можно предположить, что родное пепелище — это советская Россия, в которую писатель не может возвратиться, а отеческие гробы — могилы отца, матери и, возможно, безвестная могила сына, к которым рвалась его душа. Смертью отца завершается роман, замыкая связь с эпитафией.

Все произведения И. С. Шмелева пронизывает *религиозный интертекст*, отличающийся высокой прецедентной плотностью, эмоциональной насыщенностью и разнообразием форм включения.

“Везде Христос”, — сказал писатель в романе “Лето Господне”. И доказывает это своим творчеством.

Религиозная лексика, цитирование книг Священного писания и богослужебных текстов, аллюзии на библейские события и жития святых, упоминания имен-символов религиозного дискурса, названия православных праздников, собственные молитвы, составленные по подобию уже существующих в литургической практике, стилизация, повторение синтаксиса религиозных текстов — богатейший пласт православной культуры открывается нам в произведениях И. С. Шмелева. Это — тема для отдельного глубокого исследования.

И все же хотелось бы привести несколько примеров и показать, как функционирует библейский интертекст у писателя.

Доктор в “Солнце мертвых” пророчесствует наступающее безверие, упоминая самую важную для христиан молитву, данную им Спасителем:

“Я привык по часам ложиться, а теперь... как я могу без четверти в десять? И потому бессонница. И память слабнет. Я вам говорил, что недавно забыл, как читается “Отче наш”... Вы представьте только, что все забудут, как читается “Отче наш”?! Помойка ведь надвигается. И уходит из этой помойки — в ничто!!” (с. 58).

И тот же ужас безверия: *“В Проповеди Нагорной продают камсу ржавую на базаре, Евангелие пустили на пакеты...”* (с. 64).

В рассказе “На пеньках” главный герой, ведущий повествование, мыслит евангельскими образами: *“Неведомый гениальный мастер, чистый сердцем — такие Бога узрят, — чудесным резцом своим дал всеобъемлющее, свое: чаяния, сомнения, муки и веру-радость. Дал вдохновенно-трогательную поэму исканий духа”* (с. 264).

Здесь — варьированная цитата одной из заповедей Блаженства, сказанных Христом в Нагорной проповеди и повторяющихся за каждой литургией: “Блаженны чистыми сердцем, яко тии Бога узрят”.

Обширнейший религиозный интертекст представлен в романах “Лето Господне”, “Богомолье”, “Пути небесные”, в повести “Неупиваемая Чаша”. Погружение в религиозный дискурс начинается здесь уже с заглавий. Заглавие не просто настраивает на определенное восприятие текста, оно содержит в себе программу литературного произведения и ключ к его пониманию. Интертекстуальная ссылка в заглавии передает не весь набор возможных ассоциаций с прецедентным текстом, а только те из них, которые являются контекстуально обусловленными, становясь своеобразным мостиком между литературными и авторскими мирами.

“Лето Господне” — слова из Священного писания. Христос, придя в Назарет, читает пророчество Исайи (111, 1,2): *“Дух Господень на мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное”* (Лк. 4, 14-19). В этих словах — глубинный смысл романа. Лето — время спасения, течение жизни, показанное Шмелевым в богослужебном круге, в череде православных праздников.

“Богомолье” — заглавие отсылает нас к православной традиции отправляться по святым местам для молитвы, покаяния и очищения.

“Пути Твоя, Господи, скажи ми, и стезям Твоим научи мя” (Пс. 24, ст. 4), “Открой ко Господу путь Твой, и уповай на Него, и Той сотворит” (Пс. 36, ст. 5), “Рех: сохраню пути Моя, еже не согрешати ми языком моим...” (Пс. 38, ст. 2) — этот ряд цитат из Псалтири, в которых упоминается Божий, небесный путь, можно было бы продолжить. В заглавии “Пути небесные” — суть романа: через борьбу духа и плоти, через преодоление греха, гордыни и тьмы — к жизни с Богом.

“Неупиваемая Чаша” — название существующего в православии образа Пресвятой Богородицы. И. С. Шмелев в своем замечательно стилизованном сказе предложил свою историю создания иконы, показал нравственную силу человека. Неупиваемая Чаша — это еще и духовная красота, исчерпать которую невозможно.

Важным для писателя элементом создания образов является речь персонажей. Религиозными текстами более всего насыщена речь Горкина из романов “Лето Господне” и “Богомолье” и Дариньки — главной героини романа “Пути небесные”. Примечательно, что эти персонажи — мало образованные, скромные — незаметно наставляют, ведут по путям Божиим других людей: Горкин — маленького Ваню, рабочих, Даринька — Виктора Алексеевича, Вагаева, всех, кто прислушивается к ее

словам. И потому любое включение в их речь существенно, оно влияет на жизнь многих, в том числе и читателей:

“Метельную эту ночь Дарья Ивановна отметила в “записке к близким”:

“Душе моя, душе моя, возстани, что спиши, конец приближается”.

Приближается конец сна моего. Как в страшном сне обмякают ноги, так и тогда со мной. Я вязла, уже не могла бороться, и меня усыпляло сладко, как усыпило в метельную ночь, когда мы мчались от одной ямы на другую. “Боже мой, к Тебе утреннюю: возжажда Тебе душа моя” (с. 360).

В “записке” две прямые цитаты, соответствующие душевному состоянию героини: первая — из покаянного канона Андрея Критского, читаемого в Первую неделю Великого поста. Вторая — из псалма, звучащего в храмах ежедневно на утрене.

А вот Горкин рассказывает Ване о Троице:

“... Завтра вся земля именинница. Потому — Господь ее посетит. У тебя Иван-Богослов ангел, а мой — Михаил Архангел. У каждого свой. А у земли-матушки сам Господь Бог, в Пресвятой Троице... Вот и поют так завтра: “Кто-о Бог Ве-лий, яко Бо-ог на-аш? Ты еси Бо-ог, тво-ряй чу-де-са-а!” (с. 351).

Троичный стих — заимствование из Псалтири — благодаря рассказу старого плотника наполняется для мальчика смыслом, откладывается в его памяти на всю жизнь. Так в душу человека входят истина и православная культура.

Выводы. Итак, чужое слово — это способ приобщения к традиции, вхождение в другие тексты, в культурное пространство, и в этом качестве оно дает толчок к смыслообразованию.

Интертекстуальные связи в художественном тексте интересны и с точки зрения текстообразования, и с точки зрения текстовосприятия. С одной стороны, прецедентные тексты помогают выявить важные стороны текста, с другой стороны, в процессе исследования при наложении смыслов фактически создается новый текст.

То, как и зачем И. С. Шмелев употребляет чужое слово, раскрывает многое в интенции его собственного слова.

Чем более интеллектуально развит читатель, чем обширнее его языковая компетенция, тем глубже понимание текста, тем увереннее движется он от явных — к глубинным его слоям.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / научный редактор Г. Е. Бухаркин. — СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — 444 с.
2. Бессонова Л. Е. Языковая личность как система в русском дискурсе // Русское слово в мировой культуре. Материалы X конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений / Под ред. Н. О. Рогожиной, В. В. Химика, Е. Е. Юрнова. — СПб.: Политехника, 2003. — С. 303 – 306.

3. Богоявленская И. М. Сказочно-публицистический стиль в эпопее И. Шмелева "Солнце мертвых" // Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник. — Вып. 3(60). — Симферополь: "Крымский архив", 1998. — С. 13 – 23.
4. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в 17-20 веках. — М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2003. — 1056 с.
5. Кузьмина Н. А. Когнитивные механизмы цитации // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов/Перм. ун-т.-Пермь, 1999. — С. 217 – 235.
6. Ревзина О. Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. — Вып.7. — Новосибирск, 2004. — с. 11 – 20.
7. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000. — 128 с.
8. Чернявская В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. — №1. — с. 106 – 111.

Текстовые источники:

1. И. С. Шмелев. Лето Господне // Избранное. — М., 1989. — С. 283 – 671.
2. И. С. Шмелев. На пеньках // Пути небесные: Избранные произведения. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 248 – 281.
3. И. С. Шмелев. Неупиваемая чаша // Избранное. — М., 1989. — С. 184 – 239.
4. И. С. Шмелев. Пути небесные // Пути небесные: Избранные произведения. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 281 – 585.
5. И. С. Шмелев. Солнце мертвых // Пути небесные: Избранные произведения. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 23 – 154.

Жулинська Г. С. Інтертекстуальність та засоби реалізації в художньому тексті.

У статті аналізуються засоби включення та функції інтертекстуальних включень у художньому тексті. Досліджуються стилістичні та жанрові особливості інтертексту у творчості письменника.

Ключові слова: інтертекст, світ письменника, чуже слово, інтертекстема.

Zhulinska A. S. Intertextuality and workshop for Implementors in the fictions.

In the paper is analyzed directions for use and functioning character insertion of intertext in the fictions.

Key words: intertext, writer's within, hearsay rule, intertextem.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2006 г.